

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,

а) ПРОЗА.

Святогорскій Монастырь (*).

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ.)

Rex est, qui nihil metuit;

Rex est, quiq̃ue capit nihil:

Hoc regnum quisque sibi dat.

Seneca tragicus.

Многіе знакомые—и между ними набожницы особенно—столько чрезвычайнаго наговорили мнѣ о Святогорскомъ монастырѣ, что я наконецъ рѣшился итти туда самъ и лично удостовѣриться въ истиннѣ ихъ разказовъ. Подъ селомъ Богородичнымъ, гдѣ переправа черезъ Донецъ шихо катящій зеленоватыхъ свои волны, находится пространныя равнина: она какъ будто нарочно обсажена деревьями, — кои составляютъ приятную и разнообразную прогулку, на подобіе Аллей;

(*) Находящійся Слободско-Украинской Губерніи въ Изюмскомъ Уѣздѣ.

сей видъ однакожь ограничивается почти отовсюду лѣсомъ и горами, — при переправѣ черезъ Донецъ подѣ селомъ только прерывается цѣпью мѣловыхъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Вся эта дача упраздненнаго Монастыря принадлежитъ теперь племяннику покойнаго С. К. П-на. Я обходилъ и осматрѣлъ всѣ вообще мѣста оной — и ни одно изъ нихъ не соотвѣтствовало моему ожиданію; потому что, при обзорѣннѣ красота природы около Монастыря, мое воображеніе — сей великій волшебникъ во всякое время и во всякомъ возрастѣ — не пылало какъ у набожницъ при ихъ разказахъ. Но кромѣ того — мнѣ удавалось видѣть лучшія мѣста, нежели это, въ разныхъ путешествіяхъ по Россіи; а и сего еще болѣе — на мнѣ исполнилась та истинна: что самый Чатырдагъ не изумляетъ жителя Альпійскихъ горъ, между тѣмъ какъ небольшой пригорокъ или высокой холмъ приводитъ въ удивленіе обитателя необозримыхъ равнинъ. Въ самомъ дѣлѣ Выдубецкій монастырь подѣ Кіевомъ, Мгарскій подѣ Лубнами и прежній Ах-

тырской надъ Ворсклою понравились мнѣ болѣе, — чѣмъ Святогорскій. И лъзяль не повторить: часто слава прубить о дальныхъ дѣянїяхъ и льстивые краснописцы возвышаютъ до небесъ похвалами игру какую-нибудь своенравнаго щастїя (*); а дѣла скромной добродѣтели остаются въ неизвѣстности! Горы въ деревнѣ Маякахъ болѣе занимали мое вниманїе, чѣмъ Святогорскїя: шумъ отъ мѣльницъ, ревъ волнуемаго и пѣнящагося Донца, мысль, — что спавка Петра I-го стояла нѣкогда на хребтѣ сей горы — возвышаетъ очаровашельность сихъ живописныхъ мѣстъ. Но поѣздка моя въ Святогорскій монастырь съ почтеннымъ и любезнымъ семействомъ А. Д. Соболева была не совѣмъ же бесполезна и неприятна: къ усугубленїю веселья нашего немало способствовала ярмонка собирающаяся подъ упраздненнымъ симъ монастыремъ 15-го

(*) Форшуна только лишь играетъ,
Любуясь дѣломъ рукъ своихъ;
И жребїй щастїя бросаетъ
То на меня, то на другихъ.

Гораций. пер. Срезневскаго.

Августа. Разнообразное зрѣлище народнаго множества, дѣятельность торгующихъ, видъ шатровъ и лавокъ подъ сѣнью столѣбныхъ дубовъ, веселье и пляски прѣстололюдиновъ, любопытство зрительей — все это придаетъ не мало прелестей сему уединенному мѣсту и дѣлаетъ разительнѣе красоты его природы. Ярмонка нынѣ не столь важна, какъ при существованіи монастыря; чему дивиться? цѣлительныя воды, не бывъ подвержены конечно стольже частымъ перемѣнамъ какъ прочія дѣла рукъ человѣческихъ, испытываютъ однакожъ и онѣ коловратную судьбу своенравной моды.

Вошедъ въ пещеру, изкопанную не извѣстно мнѣ кѣмъ и когда, я былъ объятъ какимъ-то ужасомъ и какою-то чудною связью идей: мнѣ показалось, — что я перенесенъ въ тѣ страшныя Пошозійскія бездны, изъ коихъ несчастные добываютъ металлъ подобно огненной рѣкѣ разливающейся по свѣту и часто потребляющей корень прямого счастья; я вспомнилъ тѣ подземелья, куда древніе Римляне въ наказаніе заключали своихъ

злополучныхъ невольниковъ; пришли мнѣ на мысль и тѣ находившіяся въ зубчатыхъ рыцарскихъ замкахъ темницы, — гдѣ помились несчастныя жертвы насилія, суевѣрія, изувѣрства, мщенія и безчеловѣчія; и гдѣ жизнь ихъ угасала среди вздоховъ, слезъ и отчаянія! Смотря на слабый свѣтъ, индѣ проникающій въ пещеру сквозь разсѣлины горы, я думалъ еще и о тѣхъ временахъ собственной моей жизни: когда я блуждалъ въ лабиринтѣ заблужденія, — гоняясь за ложными призраками и пустыми тѣнями исчезавшими въ ту минуточку, какъ я хотѣлъ ихъ схватить. Такъ-то часто и всѣ ослѣпленные челоѣки, — переходя отъ одного ложнаго удовольствія къ другому, будучи всегда волнуемы, всегда ненасытны и всегда недовольны, — достигаютъ конца жизни среди мучительныхъ безпокойствъ и разкаянія! — Желая освободиться отъ разныхъ неприятныхъ ощущеній — я радовался вышедъ на свѣжій воздухъ, который глошалъ съ жадностію и смотрѣлъ съ восхищеніемъ на свѣтъ. Пещера оканчивается церковью, выстѣненною въ мѣловой

горѣ; а къ церквѣ по угламъ придѣланы башенки. Я любопытнымъ окомъ смотрѣлъ на окрестныя мѣста, гдѣ природа разослала множество красоть и богатствъ; но я со вздохомъ повторялъ: это не мое отечество, которое безъ всякаго пристрастія еще прекраснѣе сихъ мѣстъ! Сладостныя и вмѣстѣ горестныя чувствованія стѣсняли меня при возпоминаніи объ отечественной горѣ Монбарѣ, (названіе конечно отъ Бардовъ нѣкогда тамъ обитавшихъ) устьянной во время весны благовонными цвѣтами Анемона немороза. Какъ наша пеклась о любви къ отечеству! Ея уставы священны и неизмѣняемы: мы сіе чувствуемъ живѣе въ старости, какъ будто бы природа всегда хочетъ сблизить нашу могилу съ колибелью.

Облокоотясь на пенъ изсохшаго дерева, я уже не смотрѣлъ на окружныя мѣста и пробывъ нѣсколько времени въ сладкомъ забвеніи — пока звонъ церковнаго колокола и зовъ спутниковъ разбудили меня отъ мечтанія. Инакъ всѣ великолѣпныя картины живописной природы заимствуютъ обворожающую насъ пре-

лестъ отъ возпоминаній и другихъ нравственныхъ причинъ! — Мы спустились съ горы внизъ; тамъ Святогорская пещера раждаетъ понятіе о терпѣнїи и великомъ трудѣ, которое преодолено временемъ и постоянствомъ. Я не могу угадать причины побудившей соорудителей къ сему подвигу. Естественнѣе думать, что сія пещера была высѣчена въ горѣ для безопасности и сокрытія богатствъ во время Татарскихъ набѣговъ. Можетъ быть что церковь, бывъ прежде закрыта отъ взоровъ дремучимъ лѣсомъ, служила вмѣстѣ храмомъ и башнею, — откуда наблюдаемы были движенія хищныхъ Татаръ. Но оставимъ сіи изслѣдованія ученымъ; для меня довольно и возпоминанія о щастливой эпохѣ. Дѣйствительно — день былъ прекрасенъ, воздухъ тихъ и свѣжъ, небо чисто, солнце сіяло ярко — какъ будто радуясь нашему благополучію. Такъ надежда — свѣшило утѣхъ должна всегда сіять передъ нами. Она должна насъ вести по безчисленнымъ стезямъ свѣта: только не земная надежда подобная прелестницамъ, кои очень до-

рого продають иногда скоротечныя и пагубныя свои пріяштва.

Я обѣдалъ у Г-на Управителя въ гостинной прежнихъ Игуменовъ. Весь домъ, уже не служащій той цѣли — для которой онъ былъ построенъ, представляетъ поразительную противоположность его прежняго состоянія съ нынѣшнимъ; но пещера, какъ памятникъ, въ томъ же видѣ переживаетъ еще многихъ помѣщиковъ и управителей! — Преподобный Феофанъ былъ послѣдній игумень въ семъ Монастырѣ. Я не знаю, справедливъ ли слухъ, будто онъ оставилъ послѣ себя много денегъ. Жаль! На что монаху богатство? „Зане глаголеши, яко богатъ есмь и обогатихся и ни что же требую; и не веси, яко ты еси окаянень, и бѣдень, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ, — вопъ истинное изображеніе внѣшняго существа нашего, повторенное очень къ спашу Жонсономъ Гаррику въ его загородномъ домѣ! И вопъ что обыкновенно, хотя и странно, дѣлаетъ смерть намъ горькою! Я сказала странно — и свидѣтельствуюсь Жанъ Жакомъ, — кошорый не на бѣдность, а

на богатство смотря сътоваль: „не могу, говоритъ онъ, долго смотрѣть на дворецъ безъ того, — чтобы не впасть въ глубочайшее уныніе.,, (*) Свидѣтельствуюсь и опытами нашей жизни, и сужденіями о ней здраваго разсудка: что она такое? вѣчная борьба, или торговля; не всегда приходятъ червонцы, — бываютъ и убытки. У многихъ жизнь заключается въ вѣчной службѣ другимъ; и не рѣдко служащіе веселятся тогда, — какъ ими повелѣвающіе посягаютъ, жалуются и ропщутъ. На чтожь желать себѣ съ богатствомъ — унынія? на что печалиться въ бѣдности, которой веселіе не есть противникъ? —

Я смотрѣлъ съ завистью и вмѣстѣ съ удовольствіемъ на плясавшихъ поселянъ во время ярмонки. Я справедливо думалъ, что Судьба награждаетъ насъ за труды; напротивъ Она наказываетъ того, кто все хочетъ имѣть даромъ. Нарушеніе уставовъ Ея сопровождается скукою, уныніемъ и томленіемъ. Я самъ

(*) Je n'ai jamais pu considerer longtems un Palais, sans tomber dans la plus profonde mélancolie.

жилъ въ палахахъ; и сколько разъ видѣлъ, что тамъ къ богатству не всегда идутъ по розамъ! Сколько дѣлають пожертвованій для приобрѣтенія наружнаго уваженія — и часто на счетъ собственнаго и домашняго щастія! Многіе чувствуютъ это изъ богачей; но имъ бы хотѣлось и самимъ собой наслаждаться, и свѣтомъ: а этого-то здѣлать и нельзя, чтобы кто ни говорилъ и какъ бы о томъ ни старался!

Лучше всего держаться природы и своего сердца, и дѣлать себя и щастіе свое какъ можно меньше зависящими отъ другихъ, — не выходя однакожъ за границы общежитія въ мрачныя пустыни эгоизма. Лучше думать съ Флаккомъ, что спокойствіе не покупается золотомъ. Пишупъ, что Августъ купилъ перину одного Римскаго кавалера, который имѣлъ на себѣ милліонъ долгу — и спалъ на ней спокойно. Не перина вѣрно, а безсовѣстная безпечность должника усыпляла его въ беззаботности на перинѣ. Лучше, при соблюденіи правилъ прудолюбія и умѣренности, полагаться на благость Божія про-

мысла. Лучшая мудрость — есть чистота помышлений и намѣреній, истина словъ и правота дѣлъ!

Ничто столько не успокоиваетъ въ насъ кровь, какъ доброе дѣло, — сказала Лабрюйеръ (*). Свѣшкая мудрость, безъ отношенія къ нравственности и религiи, по словамъ Англійскаго Луціана Докшора Свифта, — есть пустой орѣхъ: онъ можетъ стоить иногда зуба, а за трудъ плашится всегда гнилью. Человѣку ли, сему сыну вѣчности, основывать свою надежду на тлѣнности и ничтожествѣ? Истинное просвѣщеніе происходитъ отъ Бога и къ Нему возвращается; ибо просвѣщеніе, которое не устремляется къ вышнему Властелину неба и земли, приноситъ горкіе и пагубные плоды. Какъ справедливо и прекрасно говорить Г-жа де Севинье: (**)

(*) Rien ne rafraîchit tant le sang qu'une bonne action.

(**) Il me faut l'Auteur de l'univers pour raison de tout ce qui arrive; et quand c'est à lui qu'il m'en faut prendre, je ne m'en prends plus à personne. Qui m'ôteroit la vue de la Providence, m'ôteroit mon unique bien; et si je croyois qu'il fût en nous de disposer des évènements, je ne penserois pas à trouver un moment de repos.

„я должна искать причины всего случающагося—въ волѣ Творца вселенной; и когда нахожу ее въ Немъ, — то ни къ кому больше уже не обращаюсь. Кто скроешь отъ меня Провидѣніе, тошъ опнимень у меня единственное благо; и естли бы я вѣрила, что располагать произшествіями соспѣтъ въ нашей волѣ, — то отчаялась бы имѣть и на одну минуту спокійствіе.,,

Ив. Вернетъ.

Изюмъ,
25 Августа 1816.

Оеодосій и Констанція.

Констанція была благоразумнѣйшая и прекраснѣйшая изъ дѣвицъ; но весьма несчастливая своимъ ошцомъ, — который, приобрѣвши своими собственными трудами великое богатство, ни въ чемъ не находилъ себѣ больше удовольствія — какъ только въ деньгахъ. Оеодосій молодой человекъ былъ младшій сынъ срединной приходившей въ упадокъ фамилии: онъ имѣлъ отъ природы великій умъ,